

Завадская Анна Иосифовна

"МИФОЛОГИЧЕСКОЕ" И "БИБЛЕЙСКОЕ" ПОНИМАНИЕ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ М. ТУРНЬЕ "МЕТЕОРЫ" (В КОНТЕКСТЕ ОТДЕЛЬНЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ Р. М. РИЛЬКЕ)

Статья призвана отразить специфические аспекты так называемой метафорической (библейское понимание) и мифологической функции времени на примере исследования романа современного французского писателя М. Турнье "Метеоры" в контексте отдельных стихотворений австрийского поэта Р. М. Рильке. Новаторской является уже сама идея сопряжения разнородных текстуальных источников, произведенная на основе такого аспекта пространственно-временной соотнесенности как идея нулевого времени. Ядром исследования является разграничение понятий "эон" (вечность) и "хронос" ("тварное", "земное" время). Обращение к мифологической функции времени дополняет концепцию времени у М. Турнье через выдвижение гипотезы о том, что миф для автора – это не только "древняя история", но фрагмент действительности, осмысленный в качестве мифического материала.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2013/8/25.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (75). С. 80-82. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2013/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 821

Филологические науки

Статья призвана отразить специфические аспекты так называемой метафорической (библейское понимание) и мифологической функции времени на примере исследования романа современного французского писателя М. Турнье «Метеоры» в контексте отдельных стихотворений австрийского поэта Р. М. Рильке. Новаторской является уже сама идея сопряжения разнородных текстуальных источников, произведенная на основе такого аспекта пространственно-временной соотнесенности как идея нулевого времени. Ядром исследования является разграничение понятий «эон» (вечность) и «хронос» («тварное», «земное» время). Обращение к мифологической функции времени дополняет концепцию времени у М. Турнье через выдвижение гипотезы о том, что миф для автора – это не только «древняя история», но фрагмент действительности, осмысленный в качестве мифического материала.

Ключевые слова и фразы: время; метафорическая функция; хронос; эон; пространство; миф.

Завадская Анна Иосифовна

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка

Annie_Za@mail.ru

«МИФОЛОГИЧЕСКОЕ» И «БИБЛЕЙСКОЕ» ПОНИМАНИЕ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ М. ТУРНЬЕ «МЕТЕОРЫ» (В КОНТЕКСТЕ ОТДЕЛЬНЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ Р. М. РИЛЬКЕ) ©

Время – та категория, которая на протяжении развития человеческой истории являлась «уязвимым местом» в философской и художественной мысли, требующим подчас осмысления с противоположных позиций. Отчасти это можно объяснить тем, что каждый народ, в силу того, что различные языки по-своему кодифицируют осознание времени через спряжения и прочие видоизменения глаголов, имеет свое собственное понимание времени.

История формирования представления о времени выявляет как диалогизм, так и полярность двух типов движения событий во времени, отмеченных в греческом языке через термины «эон» (означает «вечность») и «хронос» (означает непосредственно «земное» время). Это членение сходно с разделением на субъективное и объективное время.

Такой средневековый мыслитель как Августин отвергает сам принцип деления времени на какие-либо промежутки, оно у него сращивается с сознанием и психикой. Неудивительно, что его теория природы времени называется иногда психологической. Время в концепции Августина – это наше представление о времени, это категория сознания человека [1].

В произведении М. Турнье «Метеоры» концепция времени у автора в некоторых ключевых моментах перекликается с осознанием времени у Августина Блаженного и библейской трактовкой темпоральной характеристики бытия, в частности, в психологическом аспекте восприятия (в качестве категории психологического сознания).

Эта так называемая «метафорическая» функция времени у Турнье «подхватывает» и углубляет понимание и художественное воплощение времени у Рильке, в особенности в его стихах «Одинокий», «Воспоминание», «Любящая», «Сердцевина роз» [2]. Турнье и Рильке схожим образом воспринимают время как процесс перехода состояния бытия на иной качественный уровень, совершающийся ежесекундно и запечатленный наподобие снимков на пленке.

У австрийского поэта на первый план выходит поэтическое осмысление библейских истин, которые в отношении его трактовки времени, обнаруживаемой из самого творчества, облекаются в закон перехода количественных изменений в качественные. У него двуликость – это противостояние одного состояния бытия другому его состоянию, то есть борьба двух измерений времени в душе человека: времени, понимаемого как эон (вечность), и времени, понимаемого как хронос (профанное, земное время).

При этом у Рильке различаются два состояния человеческой души: находящейся в состоянии перехода из тленного времени в вечность и находящейся в состоянии перехода из вечности в тлен. Эти два измерения времени могут существовать одновременно в душе человека, противоборствуя друг другу, то есть человек может либо совершенствоваться, либо деградировать, в зависимости от того, какая из проекций времени в его душе побеждает и идет вперед. Данная мысль служит ключом к проблематике в его стихотворении «Одинокий»:

Я – словно мореход из дальних стран,
А косный быт туземцев неподвижен.
Их день стоит, как круглый столб у хижин,
А мне глядится в очи океан.
Мир, необжитый, как простор луны,
Под черепом моим давно таится.
Их чувства одинаковы, как лица,

А их слова давно заселены.
Мои предметы, словно чудеса,
Непостижимы их обычной вере.
Все эти вещи прыгали, как звери,
А здесь у них отнялись голоса [Там же].

Рильке очень тонко отмечает, что «их день стоит» (имеются в виду люди, проекция времени которых в душе обращена вниз, из измерения зона в измерение хронос, то есть люди без движения в душе). Для таких людей не изменяются характеристики пространственно-временной организация бытия, их дни кратки, однообразны, суетны, в скорбях, тревоге, если и в радости, то в скоротечной, для них все стоит на одном месте, потому что Царствия Божьего нет внутри них, и они не живут в измерении вечности. Для таких людей время неизбежно укорачивается. В противовес им Рильке говорит о том, что «мои предметы, словно чудеса, непостижимы их обычной вере». Эта же мысль «насыщенно» звучит в стихотворении «Воспоминание»:

Ты ждешь, что одно мгновенье
Безмерно жизнь удлинит,
Разбудит в камне движенье,
Свяжет тонкие звенья,
Глубины твои отворит [Там же].

Поэт жил в сакральном измерении бытия, в переходе хроноса в зон, поэтому все вокруг было наполнено необъяснимыми чудесами. День его удлинялся, наполнялся миром и радостью, соединялся в ключевых моментах с пространственно-временными характеристиками вечности, он в каждом своем дне проникал в «витражи вечности», которые были разбросаны на жизненном пути, поэтому все поэзия его была возвышена и глубоко одухотворенна.

М. Турнье, так же, как и Рильке, воспринимает время как драму жизни, относясь к нему как к священнодействию, видя за кажущейся обыденностью обстоятельств трагическую порой суть бытия.

Ярким примером обнаружения данной функции времени (в качестве идеи вечности) в романе Турнье может служить следующий эпизод. Так, про связь близнецов и Сюзанны (в сущности, главных героев) писатель образно выражается: «Круг замкнулся. Каким чудом синхронизация трех оркестров произошла именно в этот момент? Вдруг они заиграли согласно, и это было Лето, прекрасное и плодоносное, барочное лето, выходящее из берегов и смеющееся, лето – как огромный рог изобилия, триумфально несомый кортежем ангелочков и силенов. Действительно согласно? Наверно, не абсолютно, так как я хорошо слышал то, что играли в ближайших кафе, но что играют в дальнем “Флориане”, я улавливал с трудом... Но в “Лавене” и “Квадри” явно слышалось легкое расхождение, создававшее едва уловимый эффект уха, которое придает музыке густоту и глубину. Благодаря этой особого рода стереофонии казалось, что вся площадь Сан-Марко сама по себе, ее плиты, аркады, высокие окна, Часовая башня, грубо мужественная Кампаниле, вмятеро большая и женственная округлость собора сами порождают эту музыку. Я грежу о зрении близнецов, давшем нам знание вещей изнутри и снаружи» [3, с. 340].

Из всего, о чем пишет выше Турнье, можно вычленить идею о слиянии людей наподобие клеточек, проекция времени которых преобразилась, так что из обыденного существования они вошли в измерение «зон», в результате чего все вокруг сделалось поэтичным, и они смогли из того раскрывшегося синтеза впечатлений, который предоставила им действительность, выудить музыку вечности, как говорил Рильке: «увидеть в камне движенье», таким образом будничность преобразилась на глазах. Видение вещей изнутри отобразилось на видении вещей снаружи.

Метафорическая функция времени говорит нам о невидимом, но реально существующем пространстве мысли и интуиции как четвертом измерении. Эта функция соответствует модели нулевого времени, в которой пространство и время либо вовсе устранены, либо неподвижны и пребывают в покое. Данная модель успешно существует в различных культурах, в частности в понятии «золотого века», она наиболее архаична (в русской литературе воплощена в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»). Эта модель ассоциируется с идеей вечности, которую можно отождествить с понятием времени «зон», с представлениями о духовном, мистическом понимании бытия с существующими в нем смыслами запредельного мира, куда может достигать только человеческая мысль.

Мифологическое же понимание времени в романе «Метеоры», скорее, несет в себе циклическую функцию.

По Турнье, психологические константы души, как клавиши инструмента, поддаются прямому воздействию метеорологии как того, что «оживляет» «рамку» времени и может способствовать тому, чтобы направлять его проекцию в душе человека из хроноса в зон (речь идет только о романе «Метеоры»). Не стоит обожествлять природу, но следует увидеть за всем этим Сущего, Творца природных законов.

Близнецы и все окружающие их персонажи на протяжении всего произведения пытаются проникнуть в тайну мироздания и природы, что выявляет саму интенцию Турнье на воспроизведение мифологического склада мышления, в котором силы и стихии внешнего мира накладывают неизгладимый отпечаток на взаимоотношения и само восприятие жизни. Так, в судьбе Жана и Поля символический диапазон мифа – это их отношения друг с другом как с двумя частичками мироздания, для Марии-Барбары, их матери, смыслом

приобщения к мифу является рождение и воспитание собственных детей, поскольку это раскрывает ее предназначение, своего рода мифологический возврат к природе, истокам, корням своего рода, для Ральфа и Деборы символом раскрытия их жизненного потенциала становится дом и сад с присущими им мифическими значениями, для Франца, «календарного» мальчика из приюта, сама многогранность природы, метеорологических явлений, временных дат становятся пространством мифа и т.д.

Миф по М. Турнье – это прежде всего *сознание* персонажа, обладающего специфическим мышлением, позволяющим ему порождать собственную мифопоэтическую реальность. У писателя мифическое пространство герой носит в себе самом. Неомифотворчество Турнье основано на диалектике самого мыслительного процесса, воображении индивида, а не на логических законах, способных преобразовать хаос в упорядоченное целое, как, скажем, у Джойса или, в целом, у модернистов.

Таким образом, подытоживая все вышесказанное, мы можем отметить, что «новый миф» отражает психологическое, субъективное понимание времени, свойственное в своих корнях еще темпоральной модели бытия Августина Блаженного. Согласно этой модели Турнье делает основной акцент на человекоцентристском восприятии времени как факторе самосознания индивида, его собственного отношения к внешнему миру и «виткам» своей судьбы. Само измерение времени коренится в душе его персонажей.

При этом в романе «Метеоры» можно выделить две функции времени, обнаруженные и описанные нами выше, а именно:

- время как четвертое измерение пространства, понимаемое в качестве зона (как идея вечности), находящегося в конфронтации с хроносом (идеей земного, профанного времени) (метафорическая функция);
- мифологическое понимание времени как воздействие метеорологии (циклическая функция времени).

В отношении же мифологической функции времени необходимо подчеркнуть, что Турнье делает основной акцент не на универсальном, растворенном в индивидуальном, как в традиционном мифе, а, подобно инверсии в мышлении, на индивидуальном, вбирающем в себя универсальное. Французский писатель делает миф средством изображения уникальности человеческого мышления, так что у него не только любая «древняя история» может служить мифологической базой для создания произведений, но также и любой фрагмент реальности, на котором фокусируется его авторское сознание.

Список литературы

1. Ковалев С. Н., Гига А. В. Феномен времени и его интерпретация. Харьков: Коллегиум, 2004. 428 с.
2. Рильке Р. М. Новые стихотворения [Электронный ресурс]. URL: belousenko.com/books/Rilke/Rilke_NS.htm (дата обращения: 05.09.2011).
3. Турнье М. Метеоры / пер. с фр. А. Беяка и Е. Шварца. СПб.: Амфора, 2001. 435 с.

УДК 81'221.22

Филологические науки

В статье раскрываются основные подходы к классификации невербальных компонентов коммуникации в современной отечественной лингвистике. Автор приходит к выводу, что большинство современных классификаций невербальных компонентов коммуникации основываются на трехчленной классификации знаков, предложенной Ч. Пирсом в середине прошлого века.

Ключевые слова и фразы: невербальные компоненты коммуникации; знаки-символы; знаки-индексы; знаки-иконы; семантические типы жестов; знаковые жесты; незначащие жесты.

Зуева Елена Анатольевна, к. филол. н.
Белгородский государственный университет
zueva@bsu.edu.ru

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ О ЯЗЫКЕ[©]

Как известно, человеческая деятельность невозможна вне общения [10]. В языковедении под общением принято понимать процесс речевой коммуникации как цепочки состояний, в которой производство, передача и прием вербального сообщения являются лишь частью общего процесса коммуникации в целом. Наряду с акустическим каналом при передаче сообщения используется также и визуальный канал.

Это объясняет причину возросшего в последние годы интереса к невербальным средствам общения, среди которых выделяют собственно невербальные (кинестические), фонационные и графические средства [16, с. 367].